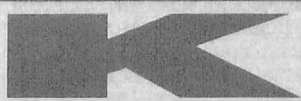

Защита Стриндберга

«Слово безумца в свою защиту» Августа Стриндберга. Автор инсценировки и режиссер Иохим Грот. Шведский театр г. Хельсинки

Марина Зайонц

исходу «Дней Стриндберга в Москве» обнаружилось, что именно шведы (вропрочем, уточним — шведский театр из Финляндии) отнажились решительно потревожить бронзовый покой своего классика. Самый несценичный роман на свете — «Слово безумца в свою защиту», где потоки больного сознания, все эти терзания, сомнения, подозрения, отчаяние и муки накрыли героев с головой, — роман этот сухо и неожиданно гротескно театрализован Иохимом Гротом. Именитого писателя не просто резво дергают за фалды, его безжалостно вытесняют из демонстративно мазохистских и для него уютных автобиографических творений, предъявляя публике робким и совершенно беззащитным в несчастьи.

Шестеро актеров (имена пятерых остались тайной — недружественный поклон Театру Наций, организатору показа, имя главного исполнителя — Маркуса Грота — публике было хорошо известно по спектаклю Камы Гинкаса «Играем «Преступление») разыграли драму не сумасшедшего ревнивца и самодура, но человека, естество которого безнадежно сражается с талантом. Дар писателя, муки писателя, зависть писателя, неудачи писателя превращают простую, обыденную жизнь в сплюснотой и немислимый театр, повторяющийся день и ночь, как заигранная пластинка. В театр взвинченно-трагический, истерически-комедийный, вульгарный и абсурдный.

«Всем мне хочется дойти до самой сути», — опережая Пастернака, твердит, вообразив себя философом, тихий и нежный молодой человек, похожий на востроухого щенка на тоненьких, разбегающихся ножках. Как известный всем Тригорин, каждую мысль он бежит записывать к столу, где тут же услужливо зажигается зеленая лампа и где аккуратно приготовлено все причисляющееся писателю, властителю человеческих душ. Записанное немедленно разыгрывается, окончательно спутывая реальность с выдуманными персонажами. Герои пьес Стриндберга естественно входят в сочинения писателя по имени Аксель и ведут себя там достаточно нахаль-

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

но. Когда театр творится из собственной жизни, такие неприятности часто случаются.

Литература — проклятье, накликаемое на себя скромным сотрудником Королевской библиотеки. Накликаемое с упоением и дрожью отмеченного. «Самое счастливое супружество то, в котором с самого начала нет любви», — выкрикивает испуганный юноша, больше всего мечтающий навсегда уткнуться в колени светловолосой женщины, чьи руки так мягки, теплы и надежны. Выкрикивает и торопится записать, чтобы встать со страниц книги не слабым теленком, пугающим в ласке, но хозяином положения, право на все имеющим. Нерешительный с женщинами, он придумал феминизм (точнее, подслушал о нем у Ибсена, злобно спародированного в начале спектакля) и со всей силой, на которую способен его воображение, превращает идеал в разнуданную мерзость. Из пьесы в пьесу, изо дня в день, из года в год.

Жизнь истекает, литературная слава растет. Жена — актриса, вместо родственников — на полке — Сведенборг и Шопенгауэр, соперником становится не Густав — Ибсен. Везде измены, незаконнорожденные дети, предательство, воровство и убийства. Писатель полюбил свою муку, ему нравится стоять на краю и вызывать катастрофу. Упитаться ядом и сгореть в мучениях, хоть как-то нарушив однообразие скучной жизни, — цель, достойная великого предназначения. Но хулиганский мальчик в мешковатой одежде, философ и писатель, красиво готовый к смерти, по-прежнему с детским отчаянием провожает глазами плывущую мимо светловолосую мадонну, почти совсем уже растворившуюся в испуганных нервных почерках гения страниц.

Не зная шведской театральной традиции в отношении Стриндберга, трудно настаивать на революционности спектакля Грота. Согласимся на слове «свобода». Еще одно хорошее слово, подходящее спектаклю — «покой». История нервной, больной души сыграна ясно, резко и спокойно. Без всплесков, выплесков и прочих примет любимой российским театром экспрессии. Можно было бы даже сказать, что она сыграна холодно и расчетливо, если бы не глухая тоска в глазах Маркуса Грота и не отчетливое сочувствие режиссера своему герою. Единственное, в чем спектакль можно упрекнуть, так это в излишней ровности тона. Но, расположившись к таланту создателей, этот недостаток легко счесть особенностью национального характера, судить который было бы совсем уж нескромно.

